

Елена Анатольевна КОСЕТЧЕНКОВА —
доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Курского филиала Российского государственного
торгово-экономического университета,
кандидат исторических наук
kosetchenko@mail.ru

УДК 94 (47)

**МАТЕРИАЛЬНО-БЫТОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧАЩИХСЯ
ЖЕНСКИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
в конце XIX — начале XX вв.**

**MATERIAL-HOUSEHOLD POSITION OF STUDENTS OF FEMALE
PROFESSIONAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN THE END
OF XIX — THE BEGINNING OF XXth CENTURY**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается материально-бытовое положение студенчества в России в конце XIX — начале XX веков на примере учащихся женских профессиональных учебных заведений.

SUMMARY. The article describes the material-household position of students in Russia in the end of 19 — the beginning of 20 century on the basis of youth, studying in female professional educational institutions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Материально-бытовое положение женской учащейся молодежи, студенческий бюджет, жилье и питание, семейное положение.

KEY WORDS. Material-household position of female studying youth; student's budget, habitation and food, marital status.

Радикальные изменения всех сторон жизни общества, произошедшие в последние десятилетия в России, явились причиной возникновения целого ряда острых проблем, отдельное место среди которых занимают проблемы молодежи как особой социально-демографической группы. В качестве одной из сфер жизнедеятельности, где наиболее ярко проявляются последствия, связанные с переходом к рыночной системе хозяйствования, в настоящее время выступает молодежная повседневность.

История повседневности обращается к рассмотрению повседневной жизни людей, к тому, что ее составляет: бюджет (доходный и расходный), жилищные условия, питание, одежда, здоровье, быт и др. В результате перед нами воссоздается история многих вещей, традиций, различных срезов культуры, что позволяет лучше понять историческую обстановку, события, процессы.

Молодежь, являясь весьма примечательной группой российского общества, в последние годы испытывает на себе все тяготы материально-бытового положения. Многим приходится затрачивать невероятные усилия для того, чтобы оплатить учебу, помочь родителям и укрепить свое финансовое положение.

В связи с этим история повседневности актуальна и в изучении российского студенчества, в том числе женской учащейся молодежи конца XIX — начала XX века. Давая характеристику российскому студенчеству, тому, что составляет его жизнь за пределами университетских стен, мы получим ответы на многие вопросы, объясняющие мотивы поведения, жизненные представления и ориентиры молодых людей и девушек.

Итак, бюджет являлся показателем благосостояния учащихся и студентов. Величина бюджета позволяет причислить его владельца к одной из трех имущественных категорий: «неимущих», «среднеобеспеченных», «обеспеченных».

Проведенная в 1905 году перепись слушательниц Бестужевских высших женских курсов в Санкт-Петербурге установила, что 45% курсисток жили на месячный доход в 35-38 руб. и были «вполне обеспечены». В категории «бедных» и «малосостоятельных» оказались 19% слушательниц с бюджетом 20-25 руб. [1; 17]. Следовательно, 36% отнесли себя к хорошо обеспеченным, поскольку их бюджет превышал сумму в 38 руб. Меньшая денежная масса бюджетов курсисток, по сравнению с бюджетом молодых людей, объяснялась естественной, присущей женщинам экономностью, так как в структуре расходов большинства отсутствовали такие расточительные статьи, как вино, табак, некоторые виды чисто мужских увеселений.

В конце XIX — начале XX века наметилась тенденция к уменьшению доли нуждавшихся во всероссийском студенческом контингенте. Они не выдерживали конкуренции со средне- и высокообеспеченными еще будучи абитуриентами, их чаще выпроваживали из высших учебных заведений из-за задолженности учебной платы, за нарушение академической дисциплины.

Первая мировая война резко изменила картину благосостояния учащейся молодежи. На это указывает, например, материальная перепись курсисток-бестужевок 1915 г. Хотя она и зафиксировала рост среднего бюджета до 41 руб., но это повышение было, по определению интерпретаторов переписи, «в значительной степени фиктивным» из-за вздорожания жизни, заставившего покинуть курсы сотни беднейших слушательниц» [2; 1].

Большинство слушательниц Бестужевских курсов принадлежало к небогатым семьям, многие испытывали самую острую нужду. Говоря о трудной, часто полуголодной жизни бестужевок, М.К. Цебрикова отмечала: «Высшее образование получается многими ценой дорогих жертв. Эти сырые и холодные углы, где набиваются по три, по четыре слушательницы; нередко одна постель на троих, которой пользуются по очереди; этот, в трескучий мороз, плед поверх пальто, подбитого ветерком; эти обеды грошовых кухмистерских, а зачастую колбаса с черствым хлебом и чаем; эти бессонные ночи над оплачиваемой грошами перепиской вместо отдыха» [3; 9].

Данные студенческих самопереписей свидетельствуют, что бюджет большинства студентов в значительной степени основывался на финансовой помощи родителей и близких, однако мог пополняться за счет дополнительных заработков, стипендий, всевозможных пособий (казенных и частных), сумм, заработанных до поступления в высшую школу (репетиторство, учительство и пр.), и даже доходов от личного имущества, унаследованного или благоприобретенного. Так, студентка Московского коммерческого института в 1915 году писала: «Первые два года жила на средства от работы в течение четырех лет учительницей в деревне, один год помогал отец, теперь эти источники иссякли» [4]. Комбинированный заработок чаще всего не играл ключевой роли в бюджете учащихся. Он был подспорьем. В анкетных листах переписи бестужевок 1909 г. встречаются такие записи: «Получила урок и стала жить одна в комнате»; «Могу ходить в театр, т. к. получила урок»; «Все время обедала в курсовой столовой и очень недовольна, с ноября получила урок и обедаю у хозяйки за 10 руб.». В эту категорию входили 23% анкетированных курсисток [1; 27-28].

Заметную роль в формировании студенческого бюджета играли общественные организации, учреждаемые профессорами высших учебных заведений.

В них добровольно объединялись лица, считавшие своим гражданским долгом содействовать делу улучшения материально-бытового благополучия студенчества. Так, одновременно с открытием Бестужевских курсов было создано «Общество для доставления средств высшим женским курсам». Число их членов непрерывно возрастало: с 89 человек в 1878 г. до 432 — в 1880 г. [5; 51].

Как правило, при таких обществах действовали кассы взаимопомощи, бюро трудоустройства (биржи труда). Также общества оказывали помощь и выпускникам высших учебных заведений: приискивали занятия вплоть до получения постоянного места и даже субсидировали их денежными возвратными выдачами [6; 4].

Значительная часть студентов работала (постоянно, временно, эпизодически), притом не только в пору учебного процесса, но и в летнюю, вакационную. В эту категорию входили как нуждавшиеся, так и среднеобеспеченные, а иногда и вполне состоятельные. Студенческие самопереписи свидетельствуют: в 1909 г. на Петербургских (Бестужевских) женских курсах таковых было — 26% [1; 26].

Эти данные, однако, не отражают реальной потребности студентов в зарботке, поскольку далеко не все желавшие получить работу могли достичь заветной цели. В конце XIX — начале XX вв. безработица стала злободневной спутницей студенческой повседневности.

Особое место среди различных видов побочных студенческих подработок принадлежало репетиторству. Самые выгодные уроки ценою 20-25 руб. за месяц добывались по знакомству: дешевые — за 15 руб. и ниже — через бюро для приискания студенческих заработков. Находились и желающие репетиторствовать только за чай (2 стакана и трехкопеечная булка), за обед и чай, на условии 3 урока в месяц за 1 руб., за квартиру и т. д.

Таковы главные источники формирования и пополнения бюджета студентов государственной высшей школы. Их коллегам — учащимся неправительственных общественных и частных высших учебных заведений, в первую очередь курсисткам (таковых было большинство), также приходилось полагаться в основном на помощь родителей, часто скудную, нерегулярную, и на собственные заработки. Прочие каналы субсидирования были теми же, что и в правительственной высшей школе, но с несравнимо меньшим участием казны и официальных учреждений. Так, в 1913 г. слушательницам Казанских высших женских курсов адресовали казенные стипендии только Министерство Императорского Двора (Казанский удельный округ) и Священный Синод. Основная же часть стипендиальных выплат исходила от губернских и уездных земских управ.

Действовали в неправительственных высших учебных заведениях и студенческие организации самопомощи, такие же как и в государственной высшей школе — кооперативные предприятия, общества вспомоществования, кассы взаимопомощи, землячества и пр. Например, доходная часть кассы взаимопомощи слушательниц Московских высших женских курсов (бывш. Герье) в 1914-1915 учебном году основывалась на процентах от основного капитала, членских взносах, поступлениях от театральной комиссии, книжного бюро и издательского общества, сборах со слушательниц при выдаче бесплатных трамвайных билетов, возвратах ссуд, всевозможных пожертвованиях. Расходная часть бюджета Кассы в 5125 руб. слагалась в основном из сумм на долгосрочные и краткосрочные ссуды [7; 31-42].

Более подробно рассмотрим студенческие расходы. Перед началом каждого полугодия студенты должны были внести в кассу высшего учебного заведения половинную часть годовой платы за учение. В государственных высших

учебных заведениях последняя колебалась между 50 и 100 руб.; в неправительственных и того выше — 100-150 руб. Для подавляющего большинства учащейся молодежи эти выплаты были на крайнем пределе возможного. Многие находились в списках неплательщиков. Многие из попадавших в них оказывались за пределами высшей школы. Наибольший урон от исключений за неуплату несла беднейшая часть студенчества, что не так уж печалило администрацию. Скорее наоборот, ведь из высших учебных заведений таким образом вымывались настоящие и потенциальные нарушители спокойствия.

На этом неблагоприятном фоне и формировались статьи месячного студенческого бюджета. В их круг входили повседневные жизненные расходы, совокупность которых и составляли месячные бюджеты среднеобеспеченных, «недостаточных» и состоятельных студентов. Конкретный пример таких бюджетов находим в книге о московском студенчестве на рубеже веков П.К. Иванова, не понаслышке знавшего эту среду.

Размер «среднего» бюджета автор определил в 25 руб., исходя из средне-статистических сумм ежемесячных родительских пособий и стипендий.

Комната	— 11 руб. (22 руб. на двоих)
Обед	— 7 руб. 50 коп.
Чай	— 50 коп.
Сахар (5 ф.)	— 80 коп.
Хлеб (утром и вечером по 5 коп.)	— 3 руб.
Освещение	— 50 коп.
Прачка	— 1 руб.
Мелкие расходы (баня, мыло и пр.)	— 50 коп.
Театр, табак	— 20 коп.
ВСЕГО	— 25 руб.

Средний бюджет был чрезвычайно напряженным, не допускавшим даже малейшего перерасхода по какой-либо статье. «Приходится все время быть настороже, следить за каждым грошем, напрягать всю силу воли, чтобы отказывать себе в малейшем желании» — свидетельствовал П.К. Иванов [8; 4-5].

Таким образом, на рубеже веков 87-93% студенческого бюджета исчерпывались тратами на жилье и питание. Каково же было питание?

По данным на 1910 г., собранным Яковкиной, заведующей столовой Московских педагогических курсов им. Д.И. Тихомирова, только 19% ее клиенток получали «удовлетворительный» обед, 43% обедали на 5 коп., что было равнозначно «голодному существованию», 35% полуголодали, обедая супом без мяса и кашей без масла [9; 21-29]. Спустя два года, в 1912 г., проведенное в этой же столовой анкетирование по вопросу питания курсисток дало следующие результаты: 17% — питались «сносно»; 44% ограничивались типовым обедом за 11 коп., 34% заказывали суп без мяса [10; 23-28].

Из приведенных данных следует, что ежедневно тысячи российских студенток и курсисток вынужденно голодали из-за отсутствия средств на обед. Такое же положение было и среди мужского студенчества. Это была та категория студенчества, расходный бюджет которой находился ниже средней отметки. «...В наиболее скудных бюджетах воздержание от обеда играет большую роль в деле сведения концов с концами» — подчеркивали интерпретаторы переписи в Петербургском технологическом институте [11; 49]. Общественные студенческие столовые, несмотря на широкое распространение, не могли накормить всех

нуждающихся иногородних студентов. Поэтому им приходилось обедать в частных столовых кухмистерских. Среди петербургских бестужевок посетительниц кухмистерских оказалось более 5% [1; 55].

В целом факты свидетельствуют: в конце XIX — начале XX вв. большинство российского студенчества хронически недоедало. В годы Первой мировой войны недоедание переросло в хроническое голодание. Причиной тому было резкое подорожание продуктов питания и последующее снижение их качества. Переписные анкеты слушательниц Петроградских Бестужевских высших женских курсов пестрели жалобами на голод. «Я имею 50 руб. — благополучие, а и то приходится туго, и обед вегетарианский, и чай без всякой закуски», — писала одна из них. «Но что же с теми нашими товарищами, что имеют 15-20 руб. всего — что с ними?» [2; 8].

Одежда учащихся являлась важнейшим элементом их быта. И если для студентов мужского пола существовала специальная форменная одежда (парадный мундир, сюртук, тужурка, две пары брюк, зимнее и летнее пальто, фуражка) [12; 326], то для курсисток и гимназисток специальной форменной одежды в основном не было. Однако руководители высказывали пожелания, «чтобы одежда учащихся была, по возможности, однообразна для устранения сословных различий и состояний, чтобы не было щегольства, вредного в жизни вообще, и особенно в семействах недостаточных» [13; 11].

Учащиеся низших профессиональных учебных заведений посещали школу в своей повседневной одежде.

«... Условия студенческой жизни били по здоровью в самый корень. Плохой стол; сидячая, исключительно умственная жизнь, отсутствие физических упражнений, отсутствие вольного общественного воздуха ...» [14; 369]. На эту удручающую картину можно было бы нанести и такие мрачные штрихи: хроническая материальная нужда, и как следствие ее — наемные жилища, не отвечавшие элементарным санитарно-гигиеническим нормам, плохая одежда, физические и психические перегрузки, угнетенное состояние духа. Все эти факторы, наносившие ущерб молодому организму студентов, позволяют говорить об академическом травматизме, следствием которого были различные заболевания, нередко принимавшие хронические формы. Какими же болезнями чаще всего страдали студенты? Во-первых, органов желудочно-кишечного тракта в результате нерегулярного, некачественного питания. Во-вторых, простудные заболевания, вызываемые отсутствием теплой одежды, неподобающими жилищными условиями (холод, сырость, недостаточный объем воздуха и пр.), наконец, общим ослаблением организма. Страдали студенты и всевозможными хроническими заболеваниями сердца и прочих внутренних органов, туберкулезом (чахотка), малокровием, всевозможными неврозами, бессоницей, головными болями и пр. Медицинское обслуживание студентов безвозмездно осуществляли врачи высших учебных заведений, амбулаторно и на дому.

Семейные студенты и курсистки составляли особый социальный микрокосм в студенческом сообществе и в смысле материально-бытового положения, и в смысле субкультурном. Данная категория учащихся конца XIX — начала XX вв. была малочисленна. По данным студенческой самопереписи 1909 г. слушательниц Петербургских высших женских курсов только 9,5% (157 чел. из 1698) были семейными, среди которых были даже вдовы — 0,5% [1; 14].

Материалы этих переписей открывают и такой примечательный факт: семейные студенты и курсистки состояли не только в официальном церковном, но и в так называемом «гражданском» браке. Например, среди 157 замужних

бестужевок, узы которых зижделись только на взаимном согласии, было 49 человек [1; 14]. Можно предположить, что гражданский брак был не только, а порой и не столько решением сугубо принципиальным, но нередко и уловкой, освобождавшей студента от необходимости добиваться от учебной администрации разрешения на брак, выправлять свидетельство о своей материальной состоятельности (вместе с согласием на женитьбу от родителей).

Что касается мотивов брака, то на первом месте, конечно же, были романтические. К этому располагала молодость студентов и курсисток. Вместе с тем, в конце XIX — начале XX вв. среди студенчества был моден и так называемый «идейный брак», т. е. брак «идейно-платонический в толстовском духе», когда супруги проживали вместе на правах «товарищей» [8; 99]. «Идейно-платонический» брак мог быть фиктивным во имя свободы от родительской опеки, мог мотивироваться и «товарищеской дружбой». Вот как этот второй мотив разъясняла в 1897 г. в своем дневнике слушательница Бестужевских курсов: «Никто из нас даже и не заикался о «прелестях» любви, о личном счастье. Скорее мы готовы были отнестись с сожалением к злоупотреблению чувственностью и вытекающим отсюда 10 «перепроизводством» детей, несчастных существ, которые вступают в жизнь неподготовленными к жестокой борьбе за существование...» [15; 128].

Такие аномальные браки были наименее прочными. Но они, словно поветрие, распространились среди молодежи.

Наиболее благополучными в материально-бытовом отношении были студенческие семьи, находившиеся под патронажем родителей или имевшие собственные средства, унаследованные или благоприобретенные.

Большинство же студенческих браков постоянно подвергались испытаниям на прочность материальной необеспеченностью. На материальное неблагополучие семейных студентов указывает и значительный процент среди них бездетных браков, а появление даже одного ребенка сопровождалось большими трудностями. В 1910 г. профессору А.Ф. Фортунатову писала студентка Голицынских сельскохозяйственных курсов в Москве: «... У меня родился сын. Но он своим появлением не только внес известное усложнение, но поставил меня в такое положение, что выхода и просвета я не вижу». У корреспондентки тяжело болел муж («быстро тает») [16].

Семейная жизнь имела и преимущества для студентов. Она вносила в их быт определенную упорядоченность, «большую аккуратность в учете отдельных расходов» [11; 69].

В целом анализ материально-бытовых условий жизни российского студенчества позволяет сделать вывод о том, что многими образование получалось ценой дорогих жертв: хроническая материальная нужда, недоедание, физические и психические перегрузки, угнетенное состояние духа — все эти факторы наносили ущерб молодому организму. Однако многие дорожили возможностью получить профессиональное образование, и как результат — экономическую независимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Слушательницы Санкт-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов. По данным переписи (анкеты), выполненной статистическим семинарием в ноябре 1909 г. СПб., 1912.
2. Слушательницы Петроградских высших женских (Бестужевских) курсов на втором году войны. Бюджет. Жилищные условия. Питание. По данным переписи (анке-

ты), выполненной статистическим семинарием в конце октября 1915 года / Под ред. проф. А.А. Кауфмана. П., 1916.

3. Санкт-Петербургские высшие женские (Бестужевские) курсы. Л., АПН РСФСР, 1973.

4. ЦГИАМ. Ф.642. Оп. 1. д.з 18. Л. 44.

5. Федосова Э.П. Бестужевские курсы — первый женский университет в России (1878-1918). М., 1980.

6. Устав Общества вспомоществования недостаточным студентам Варшавского политехнического института. СПб., 1902.

7. Передовая. О работе кассы взаимопомощи МВЖК за 1914/15 уч. год // Вестник студенческой кооперации. М., 1916, № 4-5.

8. Иванов П.К. Студенты в Москве. Быт. Нравы. Типы (Очерки). М., 1903.

9. Передовая. О работе московских педкурсов им. Д.И. Тихомирова // Студенческая жизнь. М., 1910, № 1.

10. Передовая. Московские педагогические курсы // Молодая жизнь. М., 1912, № 1.

11. К характеристике современного студенчества (по данным переписи 1909-1910 гг. в Санкт-Петербургском технологическом институте). СПб., 1911.

12. Иванов А.Е. Студенчество России конца XIX — начала XX в. М., 1999.

13. Танков А.А. Исторический очерк Курской Мариинской гимназии. 1861-1911 г. Курск, 1911.

14. Вересаев В.В. Воспоминания. М., 1982.

15. Дневник Елизаветы Дьяконовой. На высших женских курсах. (1895-1899). СПб., 1905.

16. ЦГИАМ. Ф. 642. А.Ф. Фортунатов. ОП. 1. Д. 333. Л. 8 об.

*Елена Никифоровна КОНОВАЛОВА —
старший научный сотрудник
НИИ истории науки и техники Зауралья
при Тюменском государственном
нефтегазовом университете,
кандидат исторических наук
konowali@tsogu.ru*

УДК 316.472(571.2-21)18/19

ЗАПАДНО-СИБИРСКИЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

THE WESTERN-SIBERIAN CORRESPONDENTS OF THE FREE ECONOMIC SOCIETY

АННОТАЦИЯ. Рассматривается конкретный опыт взаимодействия Вольного экономического общества с местными членами и активистами из Тобольской губернии в конце XVIII — начале XIX века. Статья основана на архивных материалах и опубликованных источниках, в том числе научных изданиях высшего экономического общества.

SUMMARY. The given article touches upon concrete experience of interaction of the Free economic society with local members and active workers from the Tobolsk province in the end of 18 — the beginning of 19th century. The article is based on archival materials and the published sources, including scientific editions of Free economic society.

*КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Вольное экономическое общество, Тобольская губерния.
KEY WORDS. Free economic society, Tobolsk province.*

В дореволюционный период изучением Сибири кроме Российской Академии наук занимались научные общества (в основном экономические и сельскохо-